

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>

UDC 94“451”:
LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 29.06.2019
Accepted: 23.08.2019

**THE FOURTH ECUMENICAL COUNCIL
AND THE ISSUE OF THE PRIMACY OF THE BISHOP OF ROME**

Mikhail V. Gratsianskiy

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Despite multiple references and partial treatment of the proposed topic in scholarly literature, the necessity of its full-scaled analysis on the basis of the Acts of the Fourth Ecumenical Council held in Chalcedon in 451 still remains. *Methods.* The paper analyzes the entire published Acts and determines all relevant passages concerning the characteristics of the Pope's pretensions to the universal primacy in the Church and the limits of their acceptability by the participants of the Council. *Analysis.* The author undertakes the research of the consequent sessions of the Council and analyzes relevant data comparing the declarations and claims of the papal legates and their actual perception by the imperial dignitaries, who were presiding over the Council, and the bishops. *Results.* The presented research demonstrates that Pope's claims to the universal power within the Church were actually discarded by the Council and the representatives of the emperor in multiple ways. Firstly, the legates (*vicarii*) of the Pope were not trusted with the actual presidency over the Council (except in one session). Secondly, pope's decisions, which had been taken before the Council and which the legates had been instructed to implement, were put under reexamination through the Council and were passed as conciliar decisions, often with no reference to the pope as their initiator. Thirdly, the Council didn't accept certain elements of the pope's title, which reflected his universal claims. In general, the Council of Chalcedon was the first to promote the principle of the primacy of honour that was bestowed on Rome and Constantinople equally.

Key words: Council of Chalcedon, Ecumenical Councils, pope Leo the Great, emperor Marcianus, patriarch Anatolius of Constantinople, primacy of the pope, primacy of honour.

Citation. Gratsianskiy M.V. The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255-271. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>

УДК 94“451”:
ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 29.06.2019
Дата принятия статьи: 23.08.2019

**ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР И ПРОБЛЕМА ПЕРВЕНСТВА
РИМСКОГО ЕПИСКОПА**

Михаил Вячеславович Грацианский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Несмотря на многочисленные обращения и частичный разбор предложенной темы в научной литературе, до сих пор сохраняется необходимость ее полноценного анализа на основе деяний четвертого Вселенского собора, прошедшего в 451 г. в Халкидоне. В задачу статьи входит анализ всей совокупности опубликованных деяний собора и установление всех пассажей, которые относятся к характеристике папских

притязаний на «вселенское» первенство в Церкви и пределов их признания участниками собора. Автор проводит последовательное изучение всех соборных заседаний и анализирует относящиеся к делу данные, сравнивая заявления и притязания, озвучиваемые папскими легатами с их фактическим восприятием председательствующими на соборе императорскими чиновниками и епископами. Проведенное исследование показывает, что притязания папы на «вселенскую» власть в Церкви были по сути дела отвергнуты как Собором, так и представителями императора. Во-первых, легатам (*vicarii*) папы не было предоставлено фактическое председательство на соборе (за исключением одного заседания). Во-вторых, решения папы, которые были приняты до собора и которые легаты должны были провести в жизнь, были подвергнуты соборному пересмотру и оформлены уже как соборные постановления, причем зачастую папа даже не упоминался как их инициатор. В-третьих, собор не воспринял целый ряд элементов папского титула, которые отражали универсалистские притязания римского епископа. В целом Халкидонский собор впервые в истории провел в жизнь принцип первенства чести, которым он в равной степени наделил и Рим, и Константинополь.

Ключевые слова: Халкидонский собор, Вселенские соборы, папа Лев Великий, император Маркиан, патриарх Анатолий Константинопольский, папский прима, первенство чести.

Цитирование. Грацианский М. В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 255–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>

Введение. Постановка вопроса о роли римского епископа в проведении IV Вселенского собора в Халкидоне (451 г.) отнюдь не является новой. Также, на первый взгляд, нет особого недостатка в работах, где этот вопрос освящается¹. Тем не менее, на наш взгляд, последовательного и удовлетворительного изложения аспектов взаимодействия папы Льва Великого (440–461) и его легатов с участниками Вселенского собора с целью выяснения вопроса о властном первенстве (примате) в Церкви на основе сохранившихся актов этого собора до сих пор не было предложено. Как следствие, по этому вопросу могут быть сделаны дальнейшие наблюдения, которые уточнят представленные в науке к настоящему времени мнения по вопросу первенства (примата) в Церкви позднеантичного периода и претензий на него римского понтифика.

Методы. Нашей задачей, таким образом, будет изучение посредством применения историко-критического метода сохранившихся актов Халкидонского собора² с целью выявления и анализа всех содержащихся в них фактов, которые могут относиться к характеристике положения римского епископа во Вселенской Церкви и восприятия этого положения со стороны участников Вселенского собора в Халкидоне, представлявших все поместные церкви Восточной Римской империи.

Анализ. По причине того, что Халкидонскому собору пришлось разбирать многочисленные иски, поданные, прежде всего, на имя императора Маркиана (450–457), это церков-

но-государственное мероприятие имело двусоставный характер. Ведение соборных процедур, а также окончательное оглашение приговоров осуществлялись государственными чиновниками, которые в актах именуется как «судьи» (*iudices*, ἄρχοντες)³. При этом чиновники не считались членами собора, в то время как члены собора – епископы – имели своих назначенных императором «первенствующих» или «начальствующих» (*πρώτοι, πρωτεύοντες, ἔξαρχοι*), которые, пользуясь словами папы Льва, «имели между братьями право первого приговора» [36, col. 676]: первыми высказывались в ходе дискуссии, первыми голосовали и первыми озвучивали решение [17, p. 73–76].

Состоявшийся в 449 г. в Эфесе собор, имевший статус вселенского, породил целый ряд противоречий, которые разрешились после смерти в 450 г. императора Феодосия II (408–450) посредством созыва нового собора, местом проведения которого сначала была назначена Никея, а затем Халкидон⁴. Согласно сложившейся к 451 г. практике проведения Вселенских соборов, «первенствующих» на соборе епископов назначал лично император⁵. Таким образом для намеченного собора первенствующими были назначены римский папа Лев и константинопольский архиепископ Анатолий. На всех сессиях собора при перечислении его участников представлявшие папу легаты упоминались первыми, что отражало их первенствующее положение, обусловленное императорским решением. При этом Халкидон-

ский собор был первым, на котором римский епископ (в лице своих легатов) выступал в качестве первенствующего (πρῶτος, ἔξαρχος) [32]. Тем не менее следует подчеркнуть, что первенствующим на соборе в равной мере являлся и Анатолий Константинопольский⁶.

Очевидно, что легаты папы явились на Вселенский собор с намерением провести во всем волю римского епископа и продемонстрировать не только его первенство в рамках соборных процедур, обусловленное распоряжением императора, но и его первенствующее властное положение во всей «Вселенской Церкви»⁷.

Это намерение проявило себя уже в самом начале первой сессии, когда папские легаты попытались провести ту повестку заседаний, какую им диктовали инструкции Льва. Возглавлявший папскую делегацию Пасхазин Лилибейский [16; 5, с. 73–75] объявил, что имеет с собой распоряжения (praecepta) «блаженнейшего и апостолического епископа города Рима, каковой есть глава всех Церквей» (beatissimi atque apostolici uiri papae urbis Romae, quae est caput omnium ecclesiarum) [10, р. 40.4–5], согласно которым Диоскор Александрийский должен был не заседать вместе с остальными епископами, а быть допущенным лишь для слушания его дела (audiendus intromittatur)⁸. Легаты поставили ведущим заседание императорских чиновников (gloriosissimi iudices et amplissimus senatus) перед выбором: либо удаляется Диоскор, либо сами легаты.

На это архонтами был задан вопрос о том, какая вина вменяется Диоскору. Один из легатов, епископ Луцензий, обозначил претензии в адрес Диоскора: «Пусть он даст отчет за учиненный им суд (iudicii sui), ибо он, не имея даже права судить (cum nec personam iudicandi haberet), присвоил его и дерзнул устроить собор без дозволения (sine auctoritate) апостольского престола, чего никогда не было и не должно было быть» [10, р. 40.16–19]⁹. Ввиду того, что Эфесский собор 449 г. был созван императором, который также своим указом лично назначил председательствующих¹⁰ на нем, а кроме того, на соборе присутствовали римские легаты, заявление Луцензия выглядело скандальным¹¹. Пасхазин далее заявил, что идти против распоряжений «правителя апостольского престола» они не

могут, поскольку это означает идти против «церковных правил (ecclesiasticas regulas) и постановлений отцов (patrum statuta)» [10, р. 40.21–22].

На требование архонтов изложить вину Диоскора легаты прежде всего требовали его удаления: с их точки зрения, его полномочия как архиепископа Александрийского были приостановлены, поскольку он был обвиняем лично римским папой и явился на собор только для того, чтобы его судили (iudicandus aduenit).

Впрочем, при такой постановке вопроса выяснилось, что легаты оказались в двусмысленном положении: все заседающие на соборе епископы по умолчанию оказывались судьями, имеющими право разбирать все поставленные перед собором дела, однако как таковые они не могли выступать обвинителями, то есть истцами. Соответственно архонты предложили легатам выбор: остаться на соборе в качестве судей, либо же выбрать статус истцов – обвинителей Диоскора и в дальнейшем участвовать в соборе уже в таком качестве. Ведущими заседание архонтами Луцензию было заявлено: «Если ты выбираешь роль судьи, ты не должен действовать как обвинитель» (Si iudicis obtines personam, non ut accusator debes prosequi) [10, р. 40.28–29].

Этого оказалось достаточно для того, чтобы легаты возвратились на место, и в присутствии Диоскора началось слушание его дела, на котором обвинителями выступили уже не римские легаты, а другие епископы и клирики¹². Тем самым римским делегатам был продемонстрирован примат процессуального порядка, которым папские легаты, следуя инструкциям Льва, пытались пренебречь с тем, чтобы заменить соборные процедуры судом римского епископа¹³.

Показательным для отношения собора к решениям римского понтифика было также дело Феодорита Кирского. Низложенный со своей кафедры императором Феодосием II (408–450) Феодорит апеллировал к папе Льву, и последний приговорил восстановить его на своей кафедре, которую, впрочем, вплоть до созыва Халкидонского собора Феодорит занять не смог, поскольку папское решение на Востоке не признавалось. Соответственно появление Феодорита на заседании собора

вызвало решительный протест значительной части отцов, прежде всего египетских. Тем не менее архонты дозволили Феодориту присутствовать, сославшись на то, что последнего восстановил римский епископ и тем самым он может присутствовать на соборе в качестве обвинителя Диоскора. Однако сенаторы указали, что дело Феодорита не считается оконченным, и после рассмотрения дела Диоскора к нему еще вернуться.

Нетрудно увидеть непоследовательность данного решения: с Феодорита не было снято осуждение, вынесенное при императоре Феодосии, и на свою кафедру он не вернулся. Его дело не считалось пересмотренным, о чем архонты и заявили открыто, сказав: «да не будет ни у кого предрассудка по поводу присутствия Феодорита, ибо очевидно, что после этого сохраняется и у вас, и у него возможность всяких жалоб, какие вы захотите обратить друг против друга...» (*praeiudicium enim ex praesentia reuerentissimi Theodoretii nulli generabitur, reseruata uidelicet post haec omni causatione et uobis et illi ad quae inuicem exercere uolueritis...*) [10, р. 44.28–45.1]. Впрочем, в данном случае, с целью добиться осуждения Диоскора, архонты по умолчанию признали правовую состоятельность реабилитации Феодорита епископом Римским¹⁴.

Эта явная ангажированность решения сенаторов в пользу соборно осужденного в 449 г. Феодорита продолжала играть свою роль на соборе. Обвиняемый Феодоритом Диоскор откровенно говорил, что присутствие первого среди епископов является явным нарушением канонов [7, р. 97.6–7: *vñv pōtoi sφζονται κανόνες, ὅτι εἰσῆλθεν Θεοδώρητος;*], и вопрошал: «Почему он заседает в чине епископа?» (*Καὶ τί ἐν τάξει ἐπισκόπου καθέζεται;*) [7, р. 97.10–11]. Однако, по мнению сенаторов, он имел право присутствовать на соборе в качестве обвиняющей стороны так же, как Диоскор присутствовал в качестве обвиняемого¹⁵. Применительно к нашей теме эта ангажированность чиновников и большинства членов собора в пользу Феодорита объективно была признанием правоты папы Льва, ранее уже вступившего с ним в общение и признавшего его в качестве епископа.

Второе¹⁶ соборное деяние, также посвященное суду над Диоскором и разбору дела

Флавиана Константинопольского, осужденного и низложенного на Эфесском соборе 449 г., было проведено папскими легатами. Заседание разбирало вопрос вероучения и потому императорские чиновники отстранились от председательствования и ведения процедуры [17, р. 74]. С другой стороны, поскольку челобитные против Диоскора Александрийского, которые должны были рассматриваться в ходе второго деяния, были поданы на имя Льва Римского, легатам, с согласия всего собора, было предоставлено право председательствования и ведения процесса¹⁷.

Прежде всего здесь следует отметить, что в качестве критерия православия на соборе, еще до всякого предметного обсуждения, фактически было взято вероучение папы Льва, выраженное им в его «Томосе» – послании к Флавиану Константинопольскому, подписанном 13 июня 449 года¹⁸.

В ходе второго деяния отцам собора было представлено несколько исков против Диоскора Александрийского, каждый из которых был обращен к «святейшему и боголюбнейшему вселенскому архиепископу и патриарху великого Рима Льву (*τῷ ἀγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ οἰκουμένικῷ ἀρχιεπισκόπῳ καὶ πατριάρχῃ τῆς μεγάλης Ῥώμης*) и ко Вселенскому собору, созванному по воле Бога и божественному (то есть императорскому. – *М. Г.*) повелению» [8, р. 15 [211].31–33, 17 [213].11–13, 20 [216].17–19, 23 [219].7–8]. Именно такая формулировка исковых заявлений, обращенных не к императору, позволила сенаторам целиком предоставить рассмотрение дела собору во главе с римскими легатами.

Несмотря на это, римские легаты не получили власти самостоятельно оценивать доводы сторон и выносить обвинение. Показательно в этой связи поведение председательствующего на второй сессии Пасхазина¹⁹, который, ведя заседание, получал согласие на каждое свое действие от всего собора. Причем согласие это потребовалось даже в том случае, когда зашла речь о применении к делу Диоскора Александрийского канонических норм [11, р. 44 [303].6–27]²⁰.

Именно собор призвал легатов папы вынести от имени римской кафедры приговор Диоскору, заверив, что этот приговор будет собором принят. От имени последнего к ле-

гатам обратился Юлиан, епископ Ипепский (Ἰουλιανὸς): «Итак, мы просим Вашу святость викария, то есть викариев (τὸν ἐπέχοντα, μᾶλλον δὲ τοὺς ἐπέχοντας τὸν τόπον), святейшего архиепископа Льва (τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Λέοντος) высказаться против него (то есть Диоскора. – М. Г.) и определить против него наказания, предусмотренные канонами (τὰ ἐπιτίμια τὰ τοῖς κανόσιν ἐγκείμενα). Ведь все – весь Вселенский собор – проголосует за решение (σύμφηφος γίνεται) Вашей святости!» [8, р. 28 [224].13–17]. Пасхазин спросил, угодна ли такая постанова собору, на что получил заверение от сопредседательствующего Максима Антиохийского: «Что решит Ваше блаженство, за то мы и проголосуем» (Ὅ δοκεῖ τῇ ὁσιότητι ὑμῶν, καὶ ἡμεῖς σύμφηφοι γινόμεθα) [8, р. 28 [224].19–20].

Так, соборным решением легатам папы была предоставлена возможность озвучить приговор: Диоскор был признан виновным в деяниях, совершенных «против порядка святых канонов и церковной дисциплины» (*aduersus sanctarum regularum ordinem et ecclesiasticam disciplinam*). В завершении легаты произнесли следующее: «Посему святейший и блаженнейший архиепископ великого старшего Рима (*magnae senioris Romae*) Лев через нас и через присутствующий <здесь> святой собор (*per praesentem sanctam synodum*) вместе с трижды блаженнейшим (*cum ter beatissimo*) и достойным всякой похвалы апостолом Петром, который есть скала и основание (*petra et cetera*) кафолической Церкви и утверждение правой веры, лишил его как достоинства епископства, так и сделал чуждым всякого священнического служения (*nudauit eum tam episcopatus dignitate quam etiam et omni sacerdotali alienauit ministerio*). Итак, сей святой и великий собор постановит о вышеупомянутом Диоскоре то, что угодно канонам (*quae placent regulis*)» [11, р. 46 [305].21–26].

Далее в порядке старшинства престолов присутствующие епископы, начиная с Анатолия Константинопольского и Максима Антиохийского, высказались в поддержку решения, озвученного папскими легатами. Показательно, что приписка, сопровождавшая подпись Пасхазина под решением данной сессии, подчеркивала, что приговор папских легатов был

вынесен с разрешения и согласия собора: «Я, Пасхазин, епископ церкви Лилибейской, председательствующий на святом соборе вместо (iuce) блаженнейшего и апостолического Вселенской Церкви папы города Рима (*uniuersalis ecclesiae papae urbis Romae*) [17, р. 88–90] Льва, с согласия Вселенского собора (*consensu uniuersalis concilii*) подписался в осуждение Диоскора» [11, р. 72 [331].1–3; 17, р. 79]²¹.

Впрочем, уже в заключительных документах, составленных по итогам второй сессии на имя императора и александрийских клириков, роль папских легатов в принятии решения по делу Диоскора не упоминалась вовсе, приговор же подавался как общесоборный: «подобающим образом <Диоскор> был лишен Вселенским собором священства и объявлен чуждым епископского чина» (...*decenter ab uniuersali concilio sacerdotio est nudatus et episcopali dignitate pronuntiatus est alienus*) [11, р. 84 [343].11–13].

В начале третьей сессии участники собора единогласно отвергли необходимость повторного рассмотрения, теперь в присутствии государственных чиновников, вопроса, разобранного на втором заседании [8, р. 78 [274].17–34]. Именно на этой сессии состоялось важное событие, призванное соборно уравнивать вероучение, содержащееся в «Томосе» папы Льва, и учение Кирилла Александрийского, бывшее основой догматической позиции низложенного Диоскора Александрийского и всей египетской Церкви.

Последовавшие за чтением посланий Кирилла и «Томоса» папы Льва аккламации отцов собора подчеркивали тождество вероучения обоих отцов, а также подчеркивали, что рукоположенный в свое время Диоскором Анатолий Константинопольский солидаризируется с учением Льва [8, р. 81 [277].7–31]. Эти события послужили краеугольным камнем для последующего развития как диофизитской догматической системы, так и всех тех проблем, с которыми последней пришлось иметь дело как в богословском, так и церковно-политическом отношении. Для положения римской кафедры это событие также имело ключевое значение, поскольку оно уравнило учительный авторитет римского епископа с таковым же святителя Кирилла Александрийского.

кого. Тем самым оно ознаменовало наивысшую точку в развитии авторитета римского престола в составе Римской империи вплоть до второй половины VIII века²².

Подвела итог этой содержательной части собора реплика Пасхазина, фактически уравнившего²³, при полном одобрении присутствовавших епископов, символ веры Никейского и Константинопольского Вселенских соборов с догматическим учением Льва, причем последний вновь был назван «папой вселенской Церкви» (*uniuersalis ecclesiae papae*)²⁴. Знаменательной в этом отношении также является аккламация: «Через Льва это возгласил Петр!» (Πέτρος διὰ Λέοντος ταῦτα ἐξεφώνησεν) [8, p. 81 [277].26; 44, p. 337].

Соответствие учения Льва учению апостола Петра было подчеркнуто и в итоговом соборном определении: «И послание предстоятеля величайшего Старшего Рима (τῆς μεγίστης καὶ πρεσβυτέρας Ῥώμης), блаженнейшего и святейшего архиепископа Льва, написанное к иже во святых архиепископу Флавиану во уничтожение зломыслия Евтиха (ἐπ' ἀναίρεσει τῆς Εὐτυχοῦς κακονοίας), ибо он составил (συνήρμησεν) его для утверждения правых догматов так, что оно согласуется с исповеданием великого Петра (τῆ τοῦ μεγάλου Πέτρου ὁμολογία) и, естественно (εἰκότως), является неким общим столпом (κοινήν τινα στήλην) против нечестивых (κακοδοξούντων)» [8, p. 129 [325].12–16]. Впрочем, в этом официальном соборном документе Лев уже не называется «архиепископом всей Церкви» или «вселенским папой»: эти лестные эпитеты были оставлены для ритуальных аккламаций, которые, по-видимому, должны были прикрывать другую важнейшую задачу собора – возвышение константинопольской кафедры.

На особый статус Рима и соответствующее ему положение римского епископа указал император Маркиан в своем личном обращении к собору, сделанном в ходе шестого деяния. Им был отмечен «царственный» статус Рима (τῆς βασιλίδος Ῥώμης) и «апостольский престол» его предстоятеля²⁵. В завершении сессии в подписях папских легатов под соборным определением вновь встречается формула «блаженнейший и апостолический папа вселенской Церкви города Рима» (*beatissimi atque apostolici uniuersalis ecclesiae*

papae urbis Romae Leonis...) [11, p. 156 [415].28–157 [416].1–6], причем подчеркивается, что его легаты «председательствуют на соборе» (*synodo praesidens*)²⁶.

В ходе восьмого²⁷ деяния был решен вопрос о выделении из состава Антиохийского патриархата Иерусалимского в составе трех провинций – Палестин Первой, Второй и Третьей. Согласно установившемуся правилу, папские легаты высказались первыми по этому делу, утвердив данное решение [12, p. 3 [442].25–4 [443].5]²⁸.

Особый интерес в плане характеристики положения римского епископа представляет собой девятое деяние, в ходе которого разбиралось дело Феодорита Кирского, предварительно подавшего апелляцию императору и легатам папы Льва. Феодорит, как известно, был к тому времени уже принят папой в общение. Тем не менее участники собора в категорической форме потребовали от него произнести анафему Несторию, что тот после некоторых колебаний и сделал. Затем последовала реплика председательствовавших на сессии архонтов к собору: «Итак, всякое сомнение (ἀμφιβολία) относительно боголюбезного Феодорита разрешилось (λέλυται): ведь он и Нестория при нас анафематствовал, и святейшим и боголюбезнейшим архиепископом Старшего Рима (τῆς πρεσβυτίδος Ῥώμης) Львом был принят (προσεδέχθη), а также охотно принял и определение веры (τὸν ὄρον τῆς πίστεως), представленное Вашим благочестием, сверх же того подписался (καθυλέγραψεν) под посланием вышеупомянутого блаженнейшего архиепископа Льва. Таким образом, не достает только, чтобы Ваше боголюбие вынесло решение, дабы получил он обратно и <свою> церковь, как то присудил (ἐδίκαιωσεν) и блаженнейший архиепископ Лев» ([9, p. 9 [368].32–39]; латинский текст: [12, p. 13 [452].29–14 [453].3]).

Итак, сенаторы, действующие от имени императора, который, в свою очередь, принял к рассмотрению дело Феодорита, уже, казалось бы, решенное папой Львом, поручают собору вынести о нем решение (*sententia*, ψήφος). Последовали распорядительные высказывания отцов собора, которые предваряла характерная реплика папских легатов: «Священнейшего и досточтимого епископа Феодо-

рита священнейший и блаженнейший всей Церкви епископ города Рима (*uniuersae ecclesiae episcopus urbis Romae*) Лев уже давно принял в общение (*dudum in communionem suscepit*), так, как об этом свидетельствуют письма, направленные им к нашей малости. Если же он (Феодорит. – М. Г.) так, как обещает, вследствие того, что вышеупомянутый блаженный епископ направил подпись (*suscriptionem direxit*) и в собственном иске (*libello*), и, сверх того, показал нашей малости в другом поданном иске, поскольку он не только письменно, но и в присутствии всего собрания собственными устами (*ore proprio*) анафематствовал Нестория и Евтиха, сим решением (*hoc iudicio*) и досточтимейший собор, а также и наша малость (*nostra humilitas*) определила вернуть ему его собственную Церковь (*definiuit*)» [12, р. 14 [453].9–18].

Данная реплика показывает, что, несмотря на имеющееся решение папы Льва по делу Феодорита, сами папские легаты признают, что окончательный приговор выносится лишь сейчас «досточтимейшим собором» и лишь во вторую очередь самими легатами. За репликой легатов следуют распорядительные высказывания архиепископов Константинополя и Антиохии, нескольких малоазийских митрополитов, а также изъявление согласия со стороны прочих участников собора. Сенаторы озвучивают окончательный вердикт: «Согласно постановлению святого собора, Феодорит, священнейший епископ, получит обратно Церковь города Кира» (*Secundum decretum sancti concilii Theodoretus sanctissimus episcopus ecclesiam ciuitatis Cyri recipiet*) [12, р. 15 [454].11–12]²⁹.

Таким образом, можно видеть, что решение папы относительно Феодорита Кирского, принятое еще до начала Вселенского собора, с точки зрения его участников, не имело окончательного вида. Тот факт, что осуждение Феодорита было вынесено в 449 г. Эфесским собором, также имевшим статус Вселенского, а решение о его низложении было принято императором Феодосием, делало последующее оправдательное решение Льва частным и не имеющим силы. Соответственно, оно было подвергнуто отцами Халкидонского собора во всех аспектах повторному рассмотрению: вынесенная анафема Несторию, выраженная в письме Феодорита

Льву [36, col. 848–854], принята не была, и Феодорит был принужден во всеуслышание повторить ее в присутствии всех членов собора. Принятое императором на основании приговора собора 449 г. решение о низложении Феодорита было отменено новым соборным приговором и утверждено представлявшими императора светскими судьями. Впрочем, все это было проделано в данном случае с выражением уважения к принятому ранее решению Льва. Между тем очевидно, что в данном случае, как и в деле осуждения Диоскора, приговор собора всего лишь совпал с более ранним решением Льва.

В ходе последующих сессий, на которых рассматривались дела, по которым предварительно не выносилось папское решение, легаты папы принимали участие на общем основании. Их роль как представителей первого престола сводилась к тому, что они первыми или в числе первых высказывались по сути дела и по процедуре заседания. Приговоры оглашались посредством высказывания митрополитов согласно «чести» их кафедр, решения принимались консенсусом и утверждались решением сенаторов.

Примечательным эпизодом двенадцатого деяния был протест тяжущихся сторон, а также многих участников собора против совместно выраженного приговора римских легатов и Анатолия Константинопольского [9, р. 51 [410].33–42 [411].10]. В этом случае сенаторы постановили провести дополнительные совещания [9, р. 53 [412].8–10]. В ходе четырнадцатого деяния, на котором рассматривался спор епископов Никеи и Никомидии, обратившихся к императору за его разрешением, сенаторы вынесли приговор на основании обсуждения участниками собора этого вопроса, не вынося его на голосование. Показательно, что в ходе обсуждения никто из первенствующих архиепископов даже не высказывался [9, р. 57 [416]–62 [421]].

14-е деяние было посвящено рассмотрению дела епископа Савиниана, который подал петицию императору: дело касалось юрисдикции антиохийского патриарха. Император поручил сенаторам рассмотреть дело Савиниана «вместе со святым и Вселенским собором» [9, р. 64 [423].31–36]. Поскольку дело относилось к юрисдикции антиохийского патриарха

и представляло собой пересмотр некоторых решений антиохийского собора, первым высказал свое согласие с решением сенаторов патриарх Антиохийский, а вслед за ним и остальной собор сообща присоединился к озвученному императорскими чиновниками приговору [9, р. 83 [442].17–26]. Римские легаты в ходе сессии не высказывались и подтвердили решение лишь после того, как антиохийский патриарх озвучил свое с ним согласие.

Ключевыми для понимания роли и положения римского епископа в контексте деяний Халкидонского собора, естественно, являются 16-е и 17-е деяния, которые завершились принятием знаменитого 28-го халкидонского правила [15, р. 525–555; 22; 23, р. 303–320; 24; 26; 27, р. 160–164; 28; 29, р. 542–546; 35; 41; 43, р. 88–103; 44, р. 339–343].

16-е соборное деяние относится к тому же заседанию, что и рассмотрение дела Савиниана, однако в сохранившихся актах представлено несколько необычно. Прежде всего, следует оговориться, что материалы этого деяния отсутствуют в имеющемся латинском издании актов. Греческие же акты содержат лишь эпизод с зачитыванием папским легатом Бонифацием послания папы Льва к собору [10, р. 83 [442].31–42]. Из событий, следовавших на следующий день в ходе 17-го деяния, становится известно, что накануне, в завершающей части 16-го деяния, были приняты решения относительно константинопольской кафедры. Таким образом, 16-е, по греческому счету, деяние вовсе не сохранилось в латинских актах и лишь фрагментарно сохранилось в греческих.

Между тем из текста, сохранившегося в обеих версиях 17-го деяния, проясняется цель отмеченного в предыдущем деянии зачитывания папского послания собору. По словам архидиакона Константинопольской Церкви Аэтия, «в обычае на соборах, чтобы после того, как будет определено самое важное, рассматривалось и определялось и иное необходимое» (ἔθος δὲ ἐν ταῖς συνόδοις μετὰ τὸ καιριώτατον πάντων τυπωθῆναι καὶ ἕτερα ἅναγκαῖα γυμνάζεσθαι καὶ τυποῦσθαι) [9, р. 88 [447].14–16]. Именно вследствие того, что с подачи императорской четы, сената, клира и народа Константинополя³⁰ на соборе рассматривался очередной не предусмотренный из-

начальной программой вопрос, участники сверились с письменными инструкциями, данными папой своим легатам, чтобы удостовериться, что те имеют полномочия обсуждать вновь возникший вопрос³¹.

17-е деяние, таким образом, описывает реакцию римских легатов на решения, принятые собором в их отсутствие, а также в отсутствие государственных чиновников, председательствующих на соборе³². Из актов 17-го деяния выясняется, что папские легаты добровольно покинули заседание предшествующего дня вслед за сенаторами, отказавшись в нем участвовать. По словам возглавлявшего папскую делегацию епископа Пасхазина, «вчера после того, как Ваша власть ушла, а наша смиренность последовала за Вами, говорят, совершились некие деяния, которые мы считаем совершившимися вопреки и церковным канонам, и дисциплине» (hesterna enim die postquam potestas uestra surrexit et humilitas nostra uestigia uestra secuta est, quaedam gesta facta dicuntur, quae nos et praeter canones ecclesiasticos et disciplinam aestimamus effecta) [12, р. 101 [540].15–19]. Как следствие, римские легаты потребовали публично огласить решения этого заседания.

В объяснение происшедшего представитель Константинопольской Церкви Аэтий заявил, что в данном случае речь шла о деле, касающемся Константинопольской Церкви, к участию в котором римские легаты были приглашены, однако от него отказались. Разрешение в форме повеления на рассмотрение данного дела было от сенаторов получено (ἔκελεύσατε ... διασκοπῆσαι) и все присутствовавшие епископы согласились с тем, что дело имеет общесоборный статус (ὡς κοινῶ ὄντος ἐν ταῦθα τοῦ πράγματος) [10, р. 88 [447].14–22]. В заключение он сказал: «И <эти епископы> присутствуют здесь, и дело совершилось не втайне и не подобно краже (οὔτε ἐν παραβύστῳ πέπρακται οὔτε κλοπῆς τρόπῳ), и <тем самым это> деяние – последовательное и каноничное (ἀκόλουθος καὶ κανονικῆ)» [10, р. 88 [447].22–24].

Затем Аэтием было зачитано определение собора, ставшее впоследствии известным как его 28-е правило. Под определением стояло 185 подписей участников, причем Анато-

лий Константинопольский, Максим Антиохийский и Ювеналий Иерусалимский подписались первыми.

На основании имевшихся у них инструкций римские легаты вступили в спор по поводу такого решения. Главным аргументом римской стороны было то, что каноны, принятые на первом Вселенском соборе в Никее (325 г.), имеют приоритет над определениями Константинопольского собора 381 г., «которых нет среди соборных канон» (*qui in synodicis canonibus non habentur*). Поскольку константинопольское 3-е правило было принято более семидесяти лет назад, у римской стороны возник, в сущности, закономерный вопрос: «Если, стало быть, они (Константинопольская Церковь. – М. Г.) все это время пользовались этим преимуществом, то чего же они добиваются сейчас? А если никогда не пользовались, почему добиваются?» (*si ergo his temporibus hoc beneficio usi sunt, quid nunc requirunt? si numquam usi sunt, quare requirunt?*) [12, p. 109 [548].4–6].

Председательствующие сенаторы потребовали у легатов подтвердить их полномочия обсуждать данную тему. Легаты огласили следующий пассаж из своих инструкций: «Также да не потерпите вы, чтобы представленное постановление святых отцов нарушалось каким-либо безрассудством (*nulla patiamini temeritate uiolari*), всеми способами храня в вас, кого мы послали вместо себя (*uice nostra*), наше достоинство (*dignitatem*). Так что если вдруг кто-то, полагаясь на величие своих городов (*ciuitatum suarum splendore confisi*), попытается присвоить (*usurpare*) себе что-то, вы с достойным упорством давайте этому отпор (*retundatis*)» [12, p. 109 [548].13–16].

Далее было предложено предъявить «постановление святых отцов», о котором зашла речь. Этим постановлением оказалось 6-е никейское правило со знаменитым римским неподлинным прибавлением: *Ecclesia Romana semper habuit primatum* [19, p. 120–121, 196–197, 260; 38, S. 38–88; 43, S. 44–57]. В свою очередь, представители Константинополя представили подлинный текст канона, а затем и текст канона второго Вселенского собора, в котором содержалось определение, на котором основывались участники 16-го деяния: «епископу же Константинополя иметь преиму-

щества чести после епископа Рима в силу того, что он есть Новый Рим» (*τὸν μέντοι Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς μετὰ τὸν Ῥώμης ἐπίσκοπον διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην*) [9, p. 96 [455].21–22]. Когда далее выяснилось, что митрополиты и епископы Азии и Понта подписали данное определение без принуждения, сенаторы огласили решение, по сути совпадающее с тем, что было принято собором накануне [8, p. 98 [457].32–99 [458].9].

Впрочем, в приговоре сенаторов имелось и весьма важное отличие. Если в соборно принятом накануне определении, которое впоследствии и стало использоваться как собственно 28-е правило Халкидонского собора, со ссылкой на решение второго Вселенского собора говорилось, в частности, что «движимые той же целью (*τῷ αὐτῷ σκοπῷ κινούμενοι*), сто пятьдесят боголюбивых епископов уделили Новому Риму равные преимущества (*τὰ ἴσα πρεσβεῖα*), разумно сочтя, что град, почтенный царем и сенатом и наслаждающийся равными преимуществами со Старшим Римом (*τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρῳ βασιλίδι Ῥώμῃ*), и в церковных делах величается как и тот, будучи вторым по нем (*δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν*)» [9, p. 89 [448].5–9], то в оглашенном сенаторами решении отсутствует намек на второе место константинопольской кафедры по отношению к римской: «На основе деяний и заявления каждого (*ἐκ τῶν πεπραγμένων καὶ ἐκ τῆς ἐκάστου καταθέσεως*) мы прежде всего усматриваем, что первенство и исключительная честь (*τὰ πρωτεῖα καὶ τὴν ἐξαιρέτον τιμὴν*), согласно канонам, сохраняется за боголюбивейшим архиепископом Старшего Рима (*τῆς πρεσβυτίδος Ῥώμης*), и что блаженнейшему архиепископу царского Константинополя (*τῆς βασιλίδος Κωνσταντινουπόλεως*), Нового Рима, надлежит наслаждаться (*ἀπολαύειν*) теми же преимуществами чести (*τῶν αὐτῶν πρεσβείων τῆς τιμῆς*)...» [9, p. 98 [457].32–36].

Постановление сенаторов тем самым полностью уравнивало положение Старого и Нового Рима, не упоминая второго места Константинополя, о котором шла речь в определении второго Вселенского собора. С другой стороны, сенаторы не отвергают и фальсифицированного римского чтения 6-го никейского

правила, признавая, что Рим имеет каноническое основание для своего первенства. Не исключено, что данное решение было тонким компромиссом: за Римом признавалось право на свою версию никейского 6-го правила с тем, чтобы Рим в дальнейшем не протестовал против 3-го правила второго Вселенского собора, получившего теперь развитие в озвученном сенаторами определении³³.

Римская делегация устами епископа Луцензия выразила свое несогласие с данным решением: «Апостольский престол не должен подвергаться унижению в нашем присутствии (*nobis praesentibus*). И потому все, что вчерашним днем в наше отсутствие было совершенно вопреки канонам или правилам (*in praeiudicio canonum uel regularum*), мы просим Ваше превосходительство (*sublimitatem uestram*) приказать отменить. Если же нет, да будет внесено в акты наше возражение (*contradictio*), чтобы мы знали, что нам следует доложить апостольскому мужу, папе Вселенской Церкви (*uniuersalis ecclesiae pape*), дабы он сам мог вынести суждение или об оскорблении собственного престола, или о ниспровержении канонов (*de suae sedis iniuria aut de canonum euerione*)» [12, p. 113 [552].30–114 [553].3]³⁴. Ответ сенаторов был лаконичным и безапелляционным: «То, что мы сказали, собор все одобрил» («*Ὅσα διελαλήσαμεν, πάντα ἢ σύνοδος ἐκύρωσεν*») [9, p. 99 [458].22].

Несмотря на такой исход дела, римская делегация не сочла необходимым покинуть заседания собора³⁵ – легаты присутствовали на последующих заседаниях и высказывались по их повестке.

Следует также обратить внимание на отношение к роли и месту римского престола в итоговых документах, возникших по завершении соборных заседаний. Обращение отцов собора к императору Маркиану было призвано зафиксировать соборное суждение относительно православия «Томоса» папы Льва: данный документ был признан отражающим учение никейских отцов, поборником (*πρόμαχος*) которого явился «предстоятель <града> римлян» (*ὁ τῆς Ῥωμαίων πρόεδρος*). В своем рвении о вере Лев сравнивается здесь с апостолом Петром [9, p. 110 [469].18–21]. Таким образом, собор однозначно показывает, что признание православия является прерогативой

собора, а не одного предстоятеля, пусть и признаваемого первым по чести³⁶.

Завершалось данное письмо весьма характерным призывом к императору утвердить учение, содержащееся в «Томосе» Льва, взять папу под свою защиту и, что наиболее показательно, утвердить исповедание «кафедры Петра»: «Но, о христоролюбивые и достойные свыше уготованного Вам царства, воздайте верою Благодетелю и рвением об исповедании явите благодарность за <оказанную> честь, ...как бы печатью благочестивых поучений утверждая проповедь кафедры Петра (*τῆς Πέτρου καθέδρας βεβαλοῦντες τὸ κήρυγμα*) посредством собранного Вами собора! Ибо подобает Вашему благочестию быть уверенным, что ничего из древле возведенной святыми отцами веры не исказил боголюбезный предстоятель Рима (*ὁ θεοφίλης τῆς Ῥώμης ...πρόεδρος*)» [9, p. 113 [472].31–114 [473].3].

В обращении, направленном папе Льву отцами собора, также подчеркивается особая роль последнего в установлении и защите православного вероучения. Римский епископ, «став для всех толкователем гласа блаженного Петра, на всех навлекает и благословение его веры» (...*πᾶσι τῆς τοῦ μακαρίου Πέτρου φωνῆς ἐρμηνεὺς καθιστάμενος καὶ τῆς ἐκείνου πίστεως τοῖς πᾶσι τὸν μακαρισμὸν ἐφέλκόμενος*) [9, p. 116 [475].25–27]. В данном высказывании оказывается важным то, что восточные отцы приводят свою версию взаимоотношений римского епископа с апостолом Петром, фактически проводя разделение между первым и последним³⁷.

Впрочем, отцы собора, подчеркивая, что хотя Лев и выступил как «глава, управляя членами» (*ὡς κεφαλὴ μελῶν ἡγεμόνευες*) [9, p. 117 [476].1], однако же подчеркнули и важность того, что решение было принято совместно: отцы собора действовали, «не создавая учение в тайне, по одному, но в общем духе, едином дыхании и единомыслии признав исповедание веры». «Мы были, – добавляют они, – в общем хороводе (*ἐν κοινῇ χορείᾳ*), наслаждаясь духовными яствами как на царском пиру (*ὡς ἐν βασιλικῶς δείπνοις*), каковы посредством твоих писем (*διὰ τῶν σῶν γραμμάτων*) Христос уготовил для вкушающих». Подчеркивалась при этом и первенствующая роль им-

ператора, обеспечившая «благопение» (πρὸς εὐκοσμίαν ἐξήρχον) [9, p. 116. [475].27–117 [476].2] проведенного собора³⁸.

Результаты. Из анализа всей совокупности релевантных пассажей вполне выясняется то, что отцы Халкидонского собора не признавали папского властного первенства. Халкидонский собор, созданный в первую очередь для суда над Диоскором Александрийским и пересмотра решений Эфесского собора 449 г., соборно осудил александрийского архиепископа и многократно продемонстрировал, что обладает полномочиями более высокими, чем полномочия соборов диоцезов Востока, Египта или даже Рима.

Собор не допустил ни одного случая, чтобы решения, ранее принятые римским епископом и италийским собором, были приняты в Халкидоне без соответствующего обсуждения и соборного решения, которое затем подлежало утверждению и со стороны императора³⁹. В сущности, ни о каком единоличном управлении заседаниями Халкидонского собора легатами папы Льва речи быть не может. Первенство чести римской кафедры выражалось исключительно в том, что римские легаты совместно с Анатолием Константинопольским «первенствовали» на соборе, то есть имели право первыми высказываться по сути предложенных вопросов и первыми озвучивали свое решение во время общесоборного голосования.

Собор мог вполне принимать решения без согласия той или иной соборной делегации. Так, низложение Диоскора осуществилось без согласия египетской делегации, а принятое в ходе 17-го деяния 28-е правило не получило согласие делегации Рима⁴⁰: тем самым очевидно, что для Рима не делалось исключения. Принципом осуществления соборных процедур было согласование церковных и государственных компетенций, то есть сфер применения канонического и публичного права. Поскольку же источником канонического права являлся собор, а гарантом и источником публичного права – императорская власть, то именно путем взаимодействия этих институтов и принимались решения, получавшие церковную и государственную санкцию одновременно.

Римский папа очевидным образом был видным участником этого процесса, однако

отнюдь не его руководителем. Его преимущественное положение, наряду с архиепископом Константинопольским, регулировалось принципом первенства чести (πρεσβεῖα τῆς τιμῆς, *primatus honoris*), который был впервые закреплен, таким образом, именно на Халкидонском соборе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве основной эта тема заявлена, например, в обстоятельной работе В. де Врисса [17]. См. также: [34, p. 197–401; 13, p. 493–589; 15, p. 502–526; 23, p. 288–302; 21, p. 181–194; 30; 20; 14, p. 95–182; 45, S. 318–350; 25; 44, p. 285–321; 33].

² Акты цитируются по изданию Э. Швартца: [7–12]. Том II [7–9] представляет собой издание греческих актов, в то время как том III [10–12] содержит их латинский текст. О соотношении и возникновении актов см.: [9, p. XXIII–XXIV; 30, p. 113–116; 1, с. 73–74]. При цитировании мы исходим из того, что подлинные латинские реплики папских легатов в основном сохранены латинскими актами собора, и потому мы цитируем их по ним. См. об этом: [39, S. 615–624]. О проблеме использования двух языков, латинского и греческого, на Халкидонском соборе см.: [40].

³ При этом чиновники не считались членами собора: в соборных актах в начале каждого деяния первыми перечисляются чиновники, а затем уже созданные императорским повелением собственно члены собора.

⁴ О проблематике Эфесского собора 449 г. и последующей реакции на него см.: [31; 34, p. 119–196; 15, p. 462–488; 23, p. 237–287; 21, p. 170–178; 14, p. 79–114; 18; 45, p. 318–329; 1, с. 109–148; 44, p. 259–283].

⁵ Такая практика сложилась при Феодосии II во время проведения Эфесских соборов 431 и 449 годов.

⁶ См.: [9, p. 103 [462].41–42]: ἡ ἀγία καὶ οἰκουμένη συνόδος, ἧς ἐξάρχουσιν οἱ θεοφιλέστατοι καὶ ὁσιώτατοι πατέρες ἡμῶν Λέων καὶ Ἀνατόλιος...

⁷ Данное понятие, *universalis ecclesia*, является чисто римским концептом. Это выражение весьма часто встречается в папских документах, в том числе и латинских актах Халкидонского собора. Греческий аналог, – *οἰκουμένη ἐκκλησία*, – не встречается в этот период ни как концепт, ни как выражение, ни в актах Халкидонского собора, ни где бы то ни было еще.

⁸ Греческий текст в этом месте имеет фразу «а если же он попытается дерзнуть на это, да будет изгнан» (εἰ δὲ ἐπληρώσῃ τοῦτο τολμήσαι, ἐκβληθεῖν [7, p. 65.21]).

⁹ Смысл этого заявления, впрочем, вполне однозначен: инициатива созыва собора принадлежит не императору, а папе. Эта точка зрения впоследствии укоренилась в папском взгляде на собственные прерогативы: Геласий I (492–496) высказывал ее уже вполне решительно [2]. Тем самым заявление папского легата лежало в русле отстаивания на соборе властного первенства Рима в соответствии с пунктами инструкций, данных легатам Львом. В этой связи странным выглядят утверждения и интерпретации некоторых католических исследователей, которые «не понимают», что Луцензий хотел этим заявлением сказать. Ср.: [13, p. 538, № 2; 44, p. 334–336] (интерпретация слов Луцензия М. Войтовичем выглядит едва ли убедительной). Ср. осторожное высказывание В. де Вриеса: [17, p. 65].

¹⁰ Применительно к Эфесским соборам 431 и 449 гг. не было различия между первенствующими и председательствующими, поскольку заседания проводились исключительно назначенными императором епископами. Государственные чиновники в этих соборах участия не принимали.

¹¹ Сам Диоскор, защищаясь от подобного обвинения, однозначно заявил: «Благочестивейший император приказал (ἐκέλευσεν), чтобы собор был созван (συγκροτηθῆναι), и тот был созван (συσκεκρότηται) согласно божественному повелению (κατὰ θεῖον νεύμα) нашего благочестивейшего императора» [7, p. 67.20–22].

¹² В частности, Евсевий Дорилейский, подавший иск против Диоскора императору: [8, p. 12–15].

¹³ На этот существенный момент в исследовательской литературе, по нашему наблюдению, не обращалось внимания.

¹⁴ Тем не менее следует отметить, что без их согласия, – то есть, в сущности, согласия императора Маркиана, – Феодорит не считался бы правомочным выступать на соборе как восстановленный в своем сане епископ.

¹⁵ Между тем разница в положении Феодорита и Диоскора, а тем самым и правота последнего, была очевидной. Диоскор был еще действующим епископом, дело которого заслушивалось собором. Феодорит же, соборное низложение которого состоялось и было подтверждено императором, а пересмотра дела еще не наступило, не мог сам выступать как обвинитель по делу Диоскора – своего прежнего судьи. В этом эпизоде, как и в ряде других, проглядывает политическая подоплека: Халкидонский собор был созван для осуждения Диоскора, каковое и состоялось, несмотря на очевидные нарушения.

¹⁶ По счету латинских актов – третье.

¹⁷ При этом также следует отметить роль Анатолия Константинопольского и Максима Антиохийского, фактически выступавших в качестве сопредседателей.

¹⁸ См. издание: [37]. Вера Флавиана Константинопольского была признана православной именно в силу ее соответствия вере папы Льва: *Flavianii fides concordat cum apostolica sede et patrum traditione* [10, p. 94.17].

¹⁹ Сам Пасхазин так объяснял свои полномочия: «Сему боголюбезному (deo amabili) собору, конечно же, известны и священные (то есть императорские. – М. Г.) письма, направленные к блаженному, апостолическому и кафолическому папе Льву с тем, чтобы он соблаговолил предстать перед сим святым собором. Однако поскольку такового ни древний обычай не предусматривал (neque antiqua hoc tenuit consuetudo), ни, как представлялось, нужды настоящего времени (generalis temporis necessitas) не позволяли, он предписал председательствовать вместо себя на этом святом соборе (huic sancto concilio pro se praesidere) нашей малости (nostram paruitatem), и потому то, что выставляется <на обсуждение>, должно разбираться посредством нашего рассуждения (per nostram interlocutionem disceptari)» [11, p. 18 [277].8–17]. «Условный» характер председательства Пасхазина отмечается Р. Прайсом [32, p. 247–248].

²⁰ В высшей степени характерна здесь реплика Пасхазина к собору: «Прикажет ли Ваше благочестие воспользоваться нам против него церковным наказанием?» [11, p. 44 [303].25–26]: *Iubet religiositas uestra ut ecclesiastica sententia aduersus eum utamur?*; [8, p. 27 [233].36–37]: *Κελεύει ἡ θεοσεβεία ἡμῶν τοῖς ἐπιτιμίοις τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς χρησόμεθα κατ’ αὐτοῦ, καθὰ διελάλησα.*

²¹ Необходимо здесь также отметить первый случай официального применения к римскому епископу титула «вселенский», задолго до того, как он стал применяться к константинопольскому патриарху.

²² По словам Р. Батиффоля, оно было в известном смысле «l’arogée en Orient du *principatus* du Siège apostolique» [13, p. 534].

²³ Когда в целом были устранены сомнения представителей Иллирика и Палестины, а также некоторых других, в правомерности такого подхода. Следы этого сомнения: [8, p. 102 [298].20–41, 103 [299].1–2 и 13–30, 105 [301].40–41]. Египетская делегация вовсе отказалась принять это постановление, хотя ее принуждали фактически насильно [8, p. 110 [306]–115 [311]].

²⁴ Как это явствует из латинского текста [11, p. 105 [364].23]. В греческих актах: *πιστῶν τῶν Ἐκκλησιῶν ἀρχιεπισκόπου* [8, p. 93 [289].28]. Данное заявление легатов вполне согласуется с претензиями, высказанными самим Львом на «вселенское попечение», то есть высшую власть в Церкви. Ср.: [36, col. 676]. Станным образом суть данной претензии папы В. де Вриеса считает «непонятной»

(missverständlich) [17, p. 89–90]. Едва ли он прав также в том, что, добываясь первенства, Рим претендовал только на верховный «учительный» авторитет (Lehrautorität) [17, p. 90–92]. Ср. также: [43, S. 61–77; 25, p. 37–40; 4].

²⁵ При этом Константинополь был назван «новым царственным Римом» (τῆς νέας βασιλίδος Ῥώμης) [8, p. 140 [336].5–8]. В имеющемся же латинском тексте Рим назван «апостольским престолом» (sedes apostolica), в то время как Константинополь – «новым царским римским городом» (nouae regiae Romanae urbis) [11, p. 151 [410].30–32].

²⁶ Тем не менее данные эпитеты не отменяют того факта, что определение было принято всем собором, поскольку каждый его участник, подписываясь, писал «определяю» (statuens, ὀρίσας).

²⁷ Седьмой, согласно счету латинских актов.

²⁸ В данной связи, впрочем, следует отметить тот примечательный и очевидным образом значимый факт, что из числа высказавшихся предстоятелей, помимо римской делегации, только константинопольский и эфесский утвердили (confirmo, βεβαίωω) решение: прочие всего лишь выразили с ним согласие (consentio, συναίνω).

²⁹ Из данной реплики видно, что легаты папы вовсе не выделяются из множества членов собора как особая распорядительная инстанция.

³⁰ [36, col. 958]: Ἡμεῖς γὰρ θεραπεύοντες τοῦς τε εὐσεβεστάτους καὶ φιλοχρίστους βασιλέας ἐπὶ τούτῳ ἠδομένους, τὴν τε λαμπρὰν συγκλήτων καὶ πᾶσαν ὡς εἶπεῖν, τὴν βασιλεύουσαν, εὐκαιρον ἐνομίσαμεν τὴν ἐπ’ αὐτῇ παρὰ τῆς οἰκουμένης συνόδου βεβαίωσιν τῆς τιμῆς...

³¹ Скорее, впрочем, следует полагать, что инициаторами оглашения письма были сами легаты, стремившиеся показать, что у них нет данных от папы полномочий обсуждать подобный вопрос, и тем самым избежать участия в деянии, явно шедшим вразрез с заявленными в инструкциях устремлениями римского епископа к властному первенству в Церкви.

³² То обстоятельство, что сенаторы отсутствовали на данном деянии, объясняет и отсутствие протоколов заседания епископов.

³³ Впрочем, если такой расчет и был, он не сработал: обе Церкви погрузились в долгий конфликт по этому поводу.

³⁴ Текст греческих актов несколько отличается от латинского. В нем Луцензий заявляет, что согласно папским инструкциям все должно совершаться в присутствии римских легатов и на этом основании требует у сенаторов отозвать решение, принятое в их отсутствие [9, p. 99 [458].15–21].

³⁵ Как это произошло, к примеру, на Эфесском соборе 449 года.

³⁶ Следует подчеркнуть, что в этом общесоборном документе нет упоминания каких бы то ни

было титулов, могущих указать на «вселенский» характер статуса римского епископа, каковые подчас фигурировали на соборе в обращениях челобитчиков или высказываниях папских легатов.

³⁷ То есть не Петр лично говорит устами римского епископа, а последний является толкователем и передатчиком вероучения Петра. По версии же самого папы Льва, Петр продолжает лично восседать на своей кафедре и управлять «вселенской» Церковью, в то время как римский папа, по сути дела, оказывается его воплощением [6]. Во многом также это утверждение оспаривает и «петринологическую» позицию Льва, заявленную им в его «Томосе». Ср.: [23, p. 227; 25, p. 42–43; 45, S. 321].

³⁸ Проблематика данного послания и последовавших за ним событий применительно к проблеме папского первенства рассматривалась нами специально [4; 3].

³⁹ В первую очередь это касается самого папского «Томоса», который Лев рассматривал в качестве окончательного разрешения важного догматического вопроса и который, однако, был признан на Востоке не раньше, чем прошел через соборное обсуждение. Ср. верное замечание В.Д. Линдси: «This document is also a church-political document: it makes a claim on behalf of the right of the papacy to rule in a doctrinal issue *before* a council has been convened» [25, p. 43]. Ср. также: [17, p. 69–71; 45, S. 320].

⁴⁰ Это вполне соответствовало соборной практике. Так, если взять Эфесский собор 449 г., то решение на нем также не получило поддержки Рима, однако это не мешало императору Феодосию II объявить его решения окончательными и приостановить всякую дискуссию с Римом по их поводу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вселенские Соборы. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – 223 р.
2. Грацианский, М. В. Папа Геласий I (492–496) и его экклезиологические воззрения / М. В. Грацианский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I, Богословие. Философия. Религиоведение. – 2016. – Вып. 3 (65). – С. 25–41. – DOI: 10.15382/stur1201665.25-41.
3. Грацианский, М. В. Папа Лев Великий и его толкование 6-го Никейского канона / М. В. Грацианский // Церковь в истории России : сб. 11. К 70-летию Н. Н. Лисового / отв. ред. А. В. Назаренко. – М. : Наука, 2016. – С. 159–175.
4. Грацианский, М. В. Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных соборов и императорской церков-

ной политики / М. В. Грацианский // *Византийский временник*. – 2018. – Т. 102. – С. 45–70.

5. Грацианский, М. В. Папа Лев Великий и пахалистические споры середины V века в контексте межцерковных и церковно-государственных отношений / М. В. Грацианский, П. В. Кузенков // *Византийский временник*. – 2018. – Т. 102. – С. 71–95.

6. Грацианский, М. В. *Haeres Petri sive vicarius Petri* : Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим / М. В. Грацианский // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II, История. История Русской Православной Церкви*. – 2019. – Вып. 89. – С. 27–48. – DOI: 10.15382/sturII201989.27-48.

7. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1933. – xvi, 196 p.

8. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1933. – xii, 163 p.

9. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1935. – xxx, 154 p.

10. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 3. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1935. – xviii, 259 p.

11. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 3. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1936. – vii, 180 p.

12. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 3. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1937. – xxiii, 162 p.

13. Batiffol, P. *Le Siège apostolique (359–451)* / P. Batiffol. – Paris : Librairie Victor Lecoffre, 1924. – 624 p.

14. Camelot, P.-Th. *Éphèse et Chalcedoine* / P.-Th. Camelot. – Paris : Éditions de l'Orante, 1962. – 257 p. – (Histoire des conciles œcuméniques ; 2).

15. Caspar, E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Bd. 1 / E. Caspar. – Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. – 826 p.

16. Cracco Ruggini, L. *La Sicilia nel V secolo e Pascasio di Lilibeo* / L. Cracco Ruggini // *Pascasio di Lilibeo e il suo tempo. A 1550 anni dal Concilio di Calcedonia* / A cura di M. Crociata, M.G. Griffo. – Caltanissetta ; Roma : Sciascia, 2002. – P. 29–47.

17. De Vries, W. *Die Struktur der Kirche gemäß dem Konzil von Chalkedon (451)* / W. De Vries // *Orientalia Christiana Periodica*. – 1969. – Vol. 35. – P. 63–122.

18. De Vries, W. *Das Konzil von Ephesus 449, eine Räubersynode?* / W. De Vries // *Orientalia Christiana Periodica*. – 1975. – Vol. 41. – S. 357–398.

19. *Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima*. Fasc. I. Pars 2 / ed. C. H. Turner. – Oxonii : E typographeo Clarendoniano, 1904. – xvi, 280 p.

20. Goeman, M. *Chalkedon als “Allgemeines Konzil”* / M. Goeman // *Das Konzil von Chalkedon*. Bd. I. / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. – Würzburg : Echter-Verlag, 1951. – S. 251–289.

21. Haller, J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit*. Bd. 1 / J. Haller. – Stuttgart : Port Verlag, 1950. – 560 p.

22. Hoffmann, F. *Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519)* / F. Hoffmann // *Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart*. Bd. II / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. – Würzburg : Echter-Verlag, 1953. – S. 13–94.

23. Jalland, T. *The Life and Times of St. Leo the Great* / T. Jalland. – L. : Society for Promoting Christian Knowledge ; N. Y. : The Macmillan Company, 1941. – 542 p.

24. Klinkenberg, H. M. *Papsttum und Reichskirche bei Leo dem Großen* / H. M. Klinkenberg // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. – 1952. – Bd. 38. – S. 37–112.

25. Lindsey, W. D. *Christology and Roman Primacy at Chalcedon* / W. D. Lindsey // *Toronto Journal of Theology*. – 1985. – Vol. 1.1. – P. 36–51.

26. Martin, Th. O. *The Twenty-Eighth Canon of Chalcedon : A Background Note* / Th. O. Martin // *Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart*. Bd. II / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. – Würzburg : Echter-Verlag, 1953. – P. 433–458.

27. McShane, P. A. *Romanitas et le pape Léon le Grand. L'apport culturel des institutions imperiales à la formation des structures ecclésiastiques* / P. A. McShane. – Tournai : Desclée & CIE ; Montréal : Bellarmin, 1979. – 407 p.

28. Monachino, V. *Genesi storica del Canone 28 di Calcedonia* / V. Monachino // *Gregorianum*. – 1952. – Vol. 33. – P. 261–291.

29. Monachino, V. *Il Canone 28 di Calcedonia e S. Leone Magno* / V. Monachino // *Gregorianum*. – 1952. – Vol. 33. – P. 531–565.

30. Murphy, F. X. *Peter Speaks through Leo : The Council of Chalcedon A.D. 451* / F. X. Murphy. – Washington : Catholic University of America Press, 1952. – 348 p.

31. Perry, S. G. F. *The Second Synod of Ephesus* / S. G. F. Perry. – Dartford : Orient Press, 1881. – 459 p.

32. Price, R. *Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils* / R. Price // *Annuaire Historiae Conciliorum*. – 2009. – Vol. 41. – P. 241–274.

33. Price, R. *The Council of Chalcedon (451) : A Narrative* / R. Price // *Chalcedon in Context. Church Councils 400–700* / ed. by R. Price, M. Whitby. – Liverpool : Liverpool University Press, 2011. – P. 70–91.

34. Rivington, L. *The Roman Primacy, A.D. 430–451* / L. Rivington. – L. ; N. Y. ; Bombay : Longmans, Green and CO., 1899. – 405 p.

35. Ruysen, G. H. Una rivisitazione del XXVIII canone del Concilio di Calcedonia (451) / G. H. Ruysen // *Iura Orientalia*. – 2013. – Vol. 9. – P. 146–179.

36. Sancti Leonis Magni Opera / Acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1846. – 1574 col. – (Patrologiae cursus completus. Series Latina ; Vol. 54).

37. Sancti Leonis Magni Tomus ad Flavianum episcopum Constantinopolitanum / Rec. C. Silva-Tarouca. – Roma : Pontificia Universitas Gregoriana, 1959. – 72 p. – (Textus et documenta ad usum exercitationum et praelectionum academicarum. Series theologica ; Vol. 9).

38. Schwartz, E. Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon / E. Schwartz // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche*. – 1926. – Bd. 25. – S. 38–88.

39. Schwartz, E. Der sechste nikänische Kanon auf der Synode von Chalcedon / E. Schwartz // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*. – 1930. – Bd. 27. – S. 611–640.

40. Schwartz, E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten / E. Schwartz // *Philologus*. – 1933. – Bd. 88. – S. 245–253.

41. Schwartz, E. Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche / E. Schwartz // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. – 1936. – Bd. 25. – S. 1–114.

42. Souarn, R. Le 28e Canon de Chalcedoine / R. Souarn // *Échos d'Orient*. – 1897. – T. 1. – P. 19–22.

43. Ullmann, W. Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter / W. Ullmann. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. – 317 p. – (Päpste und Papsttum ; 18).

44. Wessel, S. Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome / S. Wessel. – Leiden ; Boston : Brill, 2008. – 422 p. – (Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language ; 93).

45. Wojtowysch, M. Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile / M. Wojtowysch. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. – 468 p. – (Päpste und Papsttum ; 17).

REFERENCES

1. *Vselenskie Sobory* [Universal Councils]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2005. 223 p.

2. Gratsianskiy M.V. Papa Gelasiy I (492–496) i ego ekkleziologicheskie vozzreniya [Pope Gelasius I (492–496) and His Ecclesiological Views]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*.

Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2016, iss. 3 (65), pp. 25–41 DOI: 10.15382/sturI201665.25-41.

3. Gratsianskiy M.V. Papa Lev Velikiy i ego tolkovanie 6-go Nikeyskogo kanona [Pope Leo the Great and His Interpretation of the Sixth Nicene Canon]. *Tserkov v istorii Rossii: sb. II. K 70-letiyu N.N. Lisovogo* [Church in the History of Russia. Collection 11. On the Occasion of the 70th Anniversary of N.N. Lisovoy]. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 159–175.

4. Gratsianskiy M.V. Borba rimskogo papy Lva Velikogo za tserkovnoe pervenstvo v kontekste vostochnykh soborov i imperatorskoy tserkovnoy politiki [The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika], 2018, vol. 102, pp. 45–70.

5. Gratsianskiy M.V., Kuzenkov P.V. Papa Lev Velikiy i paskhalisticheskie spory sereдины V veka v kontekste mezhtserkovnykh i tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy [Pope Leo the Great and the Easter Disputes of the Middle of the 5th Century in the Context of Inter-Church and State-Church Relations]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika], 2018, vol. 102, pp. 71–95.

6. Gratsianskiy M.V. Haeres Petri sive vicarius Petri: Obosnovanie isklyuchitelnykh vlastnykh prerogativ rimskogo episkopa papoy Lvom Velikim [Haeres Petri Sive Vicarius Petri. Arguments of Pope Leo the Great for the Exceptional Prerogatives of Power of the Bishop of Rome]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II, Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church], 2019, vol. 89, pp. 27–48. DOI: 10.15382/sturII201989.27-48.

7. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 1*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xvi, 196 p.

8. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 2*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xii, 163 p.

9. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 3*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.

10. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 1*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xviii, 259 p.

11. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 2*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1936. vii, 180 p.

12. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 3*. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1937. xxiii, 162 p.

13. Batiffol P. *Le Siège apostolique (359–451)*. Paris, Librairie Victor Lecoffre, 1924. 624 p.

14. Camelot P.-Th. *Éphèse et Chalcedoine*. Paris, Éditions de l'Orante, 1962. 257 p. (Histoire des conciles œcuméniques; 2).
15. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1*. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. 826 p.
16. Cracco Ruggini L. La Sicilia nel V secolo e Pascasio di Lilibeo. Crociata M., Griffo M.G., eds. *Pascasio di Lilibeo e il suo tempo. A 1550 anni dal Concilio di Calcedonia*. Caltanissetta; Roma, Sciascia, 2002, pp. 29-47.
17. De Vries W. Die Struktur der Kirche gemäss dem Konzil von Chalkedon (451). *Orientalia Christiana Periodica*, 1969, vol. 35, pp. 63-122.
18. De Vries W. Das Konzil von Ephesus 449, eine Räubersynode? *Orientalia Christiana Periodica*, 1975, vol. 41, pp. 357-398.
19. Turner C.H., ed. *Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima. Fasc. I. Pars 2*. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1904. xvi, 280 p.
20. Goeman M. Chalkedon als "Allgemeines Konzil". Grillmeier A., Bacht H., Hrsg. *Das Konzil von Chalkedon. Vol. 1*. Würzburg, Echter-Verlag, 1951, pp. 251-289.
21. Haller J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Vol. 1*. Stuttgart, Port Verlag, 1950. 560 p.
22. Hoffmann F. Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519). Grillmeier A., Bacht H., Hrsg. *Das Konzil von Chalkedon. Vol. 2*. Würzburg, Echter-Verlag, 1953, pp. 13-94.
23. Jalland T. *The Life and Times of St. Leo the Great*. London, Society for Promoting Christian Knowledge; New York, The Macmillan Company, 1941. 542 p.
24. Klinkenberg H.M. Papsttum und Reichskirche bei Leo dem Großen. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1952, Bd. 38, pp. 37-112.
25. Lindsey W.D. Christology and Roman Primacy at Chalcedon. *Toronto Journal of Theology*, 1985, vol. 1.1, pp. 36-51.
26. Martin Th.O. The Twenty-Eighth Canon of Chalcedon: A Background Note. Grillmeier A., Bacht H., Hrsg. *Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart. Bd. 2*. Würzburg, Echter-Verlag, 1953, S. 433-458.
27. McShane, P.A. *Romanitas et le pape Léon le Grand. L'apport culturel des institutions imperiales à la formation des structures ecclésiastiques*. Tournai, Desclée & CIE; Montréal, Bellarmin, 1979. 407 p.
28. Monachino V. Genesi storica del Canone 28 di Calcedonia. *Gregorianum*, 1952, vol. 33, pp. 261-291.
29. Monachino V. Il Canone 28 di Calcedonia e S. Leone Magno. *Gregorianum*, 1952, vol. 33, pp. 531-565.
30. Murphy F.X. *Peter Speaks Through Leo: The Council of Chalcedon A.D. 451*. Washington, Catholic University of America Press, 1952. 348 p.
31. Perry S.G.F. *The Second Synod of Ephesus*. Dartford, Orient Press, 1881. 459 p.
32. Price R. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils. *Annuario Historiae Conciliorum*, 2009, vol. 41, pp. 241-274.
33. Price R. The Council of Chalcedon (451): A Narrative. Price R., Whitby M., eds. *Chalcedon in Context. Church Councils 400–700*. Liverpool, Liverpool University Press, 2011, pp. 70-91.
34. Rivington L. *The Roman Primacy, A.D. 430–451*. London; New York; Bombay, Longmans, Green, and CO., 1899. 405 p.
35. Ruysen G.H. Una rivisitazione del XXVIII canone del Concilio di Calcedonia (451). *Iura Orientalia*, 2013, vol. 9, pp. 146-179.
36. Migne J.-P., ed. *Sancti Leonis Magni Opera*. Paris, Apud J.-P. Migne, 1846. 1574 coll. (Patrologiae cursus completus. Series Latina, vol. 54).
37. Silva-Tarouca C., ed. *Sancti Leonis Magni Tomus ad Flavianum episcopum Constantinopolitanum*. Roma, Pontificia Universitas Gregoriana, 1959. 72 p. (Textus et documenta ad usum exercitationum et praelectionum academicarum. Series theological, vol. 9).
38. Schwartz E. Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon. *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche*, 1926, vol. 25, S. 38-88.
39. Schwartz E. Der sechste nicanische Kanon auf der Synode von Chalkedon. *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*, 1930, vol. 27, pp. 611-640.
40. Schwartz E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten. *Philologus*, 1933, Bd. 88, pp. 245-253.
41. Schwartz E. Die Kanonensammmlungen der alten Reichskirche. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1936, vol. 25, pp. 1-114.
42. Souarn R. Le 28e Canon de Chalcedoine. *Échos d'Orient*, 1897, vol. 1, pp. 19-22.
43. Ullmann W. *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1981. 317 p. (Päpste und Papsttum, 18).
44. Wessel S. *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome*. Leiden; Boston, Brill, 2008. 422 p. (Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language; 93).
45. Wojtowycsch M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1981. 468 p. (Päpste und Papsttum, 17).

Information about the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Laboratory for Investigation of Church Institutions, St. Tikhon's Orthodox University, Likhov Lane, 6, Office 418, 127051 Moscow, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 6, стр. 1, комната 418, 127051 г. Москва, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>